

Часы опять бьют тринадцать.

Оруэлл

8 июня 1949 года в книжных магазинах Британии впервые появился роман «1984».

ОН ПРЕКРАСНО ЗНАЛ: эта книга убивает его. На острове Джура, затерянном в самом ветреном и заброшенном углу Шотландии, в ночном круге керосиновой лампы рядом с его постелью (электричества в доме не было), казалось, не осталось больше звуков, кроме сводящего с ума воя и стога гебридского ветра в каминных трубах (можно подумать, это он умирал, а не Эрик!), да ещё — его собственного надрывного кашля, с каждым приступом которого он выплевывал по кусочку лёгких, да ещё — стрекота его пишущей машинки.

Иногда этот стрекот пишущей машинки казался ему пулемётным. Он прекрасно знал этот звук, когда пальцы обезумевшего в бою стрелка намертво вцепились в гашетку, он слишком часто слышал этот звук в Испании. Британский журналист Эрик Блэр знал: в Испании за ним охотились люди Большого Усамого Брата, и, очень возможно, снайпер не случайно взял именно его на мушку, и прострелил ему шею, когда он болтал в окопе за утренней сигаретой с однопольчанами по ополчению ПОУМ.

Из барселонского отеля незадолго до этого вдруг пропал его дневник, в котором он писал в том числе и о том, в какое убийственное, автократическое зло трансформировалась «власть народа» в СССР, у него были друзья-троцкисты.

Человек крайне-левых и коммунистических убеждений до войны в Испании, Эрик говорил и писал теперь опасные вещи.

Книга «Последний человек в Европе» (такое рабочее название дал ей Оруэлл) сейчас убивала своего создателя на древнем острове Джура, вдали от всех.

Остров тоже убивал его — зима в 1947-м была в Шотландии — ледяная, полвека такой не было. Впрочем, смертельный туберкулёз — сейчас это было неважно. По-английский этот остров называется «Джура», но его русское название тоже неплохо: «Юра» — «на ЮРУ Европы!»). Сейчас на этом юру творилась самая значимая книга столетия, развенчивающая все мечты, связанные с социализмом и коммунизмом.

Эрик Блэр, которого весь мир знает сейчас как Джорджа Оруэлла, очень спешил.

4 тысячи слов в день.

Без выходных.

С перерывом только на суп, который подавала ему младшая сестра, и всё глубже была её скорбная складка у губ.

Рукопись нужно было сдать как можно скорее. Плевать, что подгонял лондонский издатель, не в нём дело: нужно было успеть. Успеть ПРЕДУПРЕДИТЬ ВСЕХ.

Эрик откинулся на подушках, дотянулся до неизменного, неразбавленного виски (на этом гебридском острове Джура отлично знают в нем толк и сейчас) судорожно глотнул, и его одинокая, обречённая машинка-пулемёт продолжала отстреливаться в шотландской ночи от невидимого, наступающего, и в огромной степени, превосходящего противника.

«Изменчивость прошлого — главный догмат. Утверждается, что события прошлого объективно не существуют, они остаются лишь в письменных документах и в памяти людей. Поэтому прошлое — это то, на чем сходятся и документы, и человеческие воспоминания. А поскольку Большой

Карина Кокрэлл-Фере (Carina Cockrell-Ferre), писатель, Великобритания

Брат полностью контролирует все документы и одновременно разум всех своих членов, то отсюда следует: прошлое становится таким, каким желает видеть его Большой Брат. Ведь когда оно сфальсифицировано в той нужной на сегодня форме, оно и есть прошлое, и никакого другого прошлого в природе быть не могло. И это справедливо даже тогда, когда (как это нередко бывает) одно и то же событие меняется до неузнаваемости по несколько раз в год. Партия всегда обладает абсолютной истиной, а абсолютная истина не может быть иной, чем в данный момент. Контроль над прошлым

— и это понятно — зависит прежде всего от тренировки памяти. Убедиться, что все документальные свидетельства полностью согласуются с принятой на сегодня точкой зрения, — задача чисто механическая. Но ведь необходимо помнить, что события происходили именно так. И раз нужно изменить воспоминания и подделать документы, значит, необходимо и забывать, что ты это совершал. Научиться этому трюку не труднее, чем любому другому».

Напольные часы в прихожей внизу — старые, скрипучие, поохав, прокашлявшись — пробили ...тринадцать.

Кроме него, тринадцатый удар часов никто не слышал. Это символ. Тринадцатый удар часов выражение употребляется (сейчас уже редко, потому что часы с боем-редкость) когда идёт что-то неправильно, наперекосья, нарушение миропорядка.

Невозможный час.

Время зла.

Первое предложение книги Эрика Блэра (Джорджа Оруэлла): «*Была холодный, ясный апрельский день и часы пробили тринадцать*» — «*It was a bright cold day in April, and the clock were striking thirteen*» будет переведено на сотни земных языков и будет почти так же знаменито, как первое предложение другой книги: «*Призрак бродит по Европе*».

«1984» оказался продолжением марковского манифеста, это был, как тогда казалось, эпилог и эпитафия коммунистической страшной иллюзии: «1984» показывал, что случилось в Британии, в Европе, в мире, в которые этот призрак вошёл, материализовался и привёл к тоталитаризму...

Мир верил в Призрак. Мир не желал расставаться с любимой иллюзией, владевшей человечеством всю его историю: иллюзией Золотого века — иллюзией обретения Потерянного Рая, иллюзией Справедливого Мира, где не будет неравенства и несправедливости, где человек получит презумпцию уважения и будет счастлив, независимо от его богатства, происхождения, цвета кожи, рода занятий. Равенство всех перед всеми. И процветание. И Где Человек Будет Счастливым.

Такой страной объявила себя бывшая Российская Империя, ставшая впоследствии «СССР»...

Оруэлл не говорил по-русски. Хотя, по моему мнению, правы те, кто говорил: он написал книгу, которую до конца, со всеми смыслами, полутонами и нюансами может понять ТОЛЬКО человек, для которого русский — родной или почти родной язык.

«Двомыслие — это способность придерживаться одновременно двух взаимоисключающих убеждений и верить в оба»

USSR — круглая, симметричная гармония букв, которой называлось Счастье. Замени одну только букву «S» и получится — USER — Пользователь. Великий Пользователь Человеков-Винтиков великой машины Будущего, которая всех перемелет и все потом спишет.

Британские коммунисты прекрасно знали: им нужно оправдывать всё, происходящее в СССР. Иначе, во-первых, не будет финансовой поддержки, и надо будет возвращаться назад за хлебом насущным — на фабрики и в шахтовые за-

бой севера Англии, простившись с ново-найденным статусом партийного функционера, папками в скромных офисах, дыроколами, секретаршами и — главное — ощущением собственной значимости как международных деятелей Коминтерна, это во-первых. Платить за это подчинением жёсткому диктату Москвы — это, право, пустяки. И во-вторых, не будет Мечты о справедливом мире, в котором Человек угнетённый — гегемон и ДИКТАТОР.

Генеральный секретарь коммунистической партии Британии Поллит писал в 20-х годах: «*Мама заворачивала меня в шаль, в такую ледяную рань, что еще*

даже не рассвело, и несла с собой на фабрику, на изнурительный труд по 13 часов в день, и я провёл там своё детство и поклялся, что отплачу эксплуататорам и угнетателям за каждый такой день — свой и моей матери!»

Революция — это месть угнетённых. Мечь — это реализованная ненависть. На ненависти нельзя строить — она как сыпучий песок.

Поэтому СССР был светочем для всех угнетённых мира — того мира, где рабочие картузы обеспечивали процветание цилиндров и митр, того мира, который и понятия тогда не имел о системе социальной поддержки неимущих, бесплатном образовании, медицине, страховках и других льготах, оплачиваемых работодателями — это был враждебный, жестокий мир, который нужно было только «разрушить до основания, а затем...», избавиться, физически уни-

чтожить угнетателей как класс, как это сделали рабочие в России! Поэтому гневной отповедью предписывалось британским коммунистам отвечать на все беспокойные (очерняющие рабочее движение!) слухи о лагерях, арестах, пытках на «Лубянке», на малейшие сомнения в справедливости и законности показательных процессов, оправданности наказания, всегда наступающего многочисленных внутренних врагов в СССР. Вот и Бернард Шоу, съездивший в СССР с леди Астор тоже ничего из этих, так называемых ужасов, не увидел: все счастливы, все веселы и полны энтузиазма, и «*дети в Москве очень пухленькие*» (цитата). Поэтому ату этих худющих, умирающих от чахотки сомнительных «правлюбцев», очернителей и критиканов счастливого будущего, которое весело, с белозубыми улыбками и такой верой строит СССР...

Бернарда Шоу изумило то, что появилась такая страна, в которой ничтожный сын сапожника (неслыханное!), а вовсе не представитель привилегированного класса, выпускник Итона или Оксбриджа, может возглавить правительство. Какой восторг.

Классовая иллюзия, что угнетённый класс и социально угнетённый человек всегда прав и более морален, не позволила Шоу увидеть то, что увидел Оруэлл: маленький, плохо воспитанный и плохо образованный, вечно унижаемый человек, может всю жизнь ждать возможности и реванша, и, дождавшись, добившись власти, стать монстром. Не классовое происхождение, не национальность или раса определяют человеческую нравственность и его суть. А абсолютная власть имеет обыкновение превращать небольших монстров в огромных и абсолютных.

...На продуваемом ветрами острове Юра Эрик был одинок как никогда и нигде. С ним были его сестра и приёмный сын, мальчик, которого они с Айлин усыновили, сирота, у которого вся семья погибла при гитлеровских бомбардировках Лондона. Оруэлл был в командировке на континенте, когда умерла от эфирного наркоза при простой операции его любимая жена Айлин, с которой они были так счастливы в крошечном коттеджике хартфордширской деревни. Он не мог себе этого простить. Она умерла, а его не было рядом. Крошеч-

ная деревня Уоллингтон, где они провели шесть самых счастливых месяцев! Там ведь и родилась идея «Скотного двора» (его чёрные, огромные сараи можно видеть и сейчас).

Идея родилась так. Эрик в окно своего съёмного коттеджа увидел мальчишку, который подгонял прутиком ломовую лошадь. И огромная, сотрясающая землю, подкованная тяжёлыми копытами, лошадь почему-то повиновалась этому босому мальчишке и его прутику... Не так ли повинуются и народы своим маленьким, властолюбивым тиранам, власть которых зиждется на иллюзии, что они «знают, КАК надо», распределении овса, Великой Иллюзии, ну и прутике?

Я побывала в той деревне, где Эрик был счастлив. Это совсем недалеко от моей деревни. Там нет никакого дома-музея, только красная круглая табличка на стене о том, что здесь когда-то жил Оруэлл. Во всей деревне — только одна улица, ведущая к церкви. В коттеджике продолжается чья-то абсолютно обыденная жизнь, все ухожено, припаркована чья-то машина, висит каминная труба, блеют овцы. Напротив — лужайка, на которой супруги Блэр пасли свою козу — считалось, что козьё молоко излечивает туберкулез. Всё абсолютно узнаваемо, всё это описано, и всё это так я себе и представляла! Даже дом Джонса, правда-правда!), как раз напротив Скотного Двора! Вот только паба, где пил Джонс, теперь нет, его продали под частный дом. А ведь в этом пабе и был у Эрика и Айлин очень простой и скромный свадебный ужин, на котором из родных были только его мать и сёстры.

Дальше — заросший пруд и церковь. Я прохожу через кладбище, где иные могильные камни сохранили полустертые даты -1693, 17... и дальше неразборчиво). Неужели церковь открыта? Я знаю, что во все дни, кроме воскресенья — закрыты британские церкви, особенно в таких маленьких деревнях. Толкаю тяжёлую, дубовую дверь. Она

поддаётся сразу. Переглядываемся с Брэтти. Открыто. Входим. В церкви — орган, прекрасные витражи, книги. Деревянный ящичек для пожертвований. Опускаем монеты. Здесь Оруэлл венчался со своей любимой Айлин! Можно даже взять на память (за фунт) копию их брачного свидетельства. В деревне до сих пор вспоминают жутковатый курьёз: Оруэлл внёс свою невесту в церковь на руках. В деревне судачили. Где же ему, итону, знать народный обычай: выносят из церкви — невест, а вносят — покойников... Вот его Айлин и умерла... Уцелеть в Испанской гражданской, пережить бомбардировки Лондона, и вот — плановая операция по удалению матки, передозировка эфирного наркоза. Айлин заснула и не проснулась, ей было 39 лет...

Оруэллу не верили в родной стране. Британские коммунистические издательства (таких было много) шельмовали и травили его за «Скотный двор», книги его перестали публиковать.

Победители по окончании войны поделили в Ялте мир на две огромные сферы влияния. Звёздный час Сталина. «*Колымские лагеря победили Освенцим*».

Небо темнеет, собирается дождь, надо бы домой. Но я не могу, не хочу уезжать из Уоллингтона. Эта улица, эта деревня совершенно не изменилась. Именно такой Оруэлл её и видел.

Что заставило его, счастливого, через шесть месяцев после свадьбы с любимой уехать воевать с фашизмом в Испании? «*Кто-то должен это остановить*». Айлин последовала за ним. После ранений в шею не выживают, это вам скажет любой хирург.

Пуля снайпера чудом прошла мимо шейных позвонков, но перебила голосовые связки. Кто-то пытался заставить его замолчать. Врач сказал, что голос к нему не вернётся. Его спасло чудо. Он не умер. К нему вернулся голос — и физически, и метафорически. Его услышали во всех уголках Земли.

Он сказал о том, что тоталитарный рай, где царит идеологический диктат и цензура, где воля отдана несменяемому правителю — это тоталитарный ад Большого Брата. Без вариантов. И нечего питать себя бесплодными иллюзиями! От него отвернулись друзья. Он оставался твёрд.

«Доминирующим состоянием духа людей должно стать организованное безумие» Тоненький прутик маленького, капризного мальчишки, которого необъяснимо страшится гигантская, ломовая лошадь.

Оруэлл умер через 6 месяцев после опубликования «1984». Первым, кто прислал ему поздравление с потрясающей книгой в его пансионат для туберкулёзников в Глостершире, был тёзка его главного героя — Уинстон Черчилль.

Черчилль всё понял правильно и, по собственному признанию, несколько раз перечитал книгу в абсолютном восторге.

Оруэлл сотни раз менял текст, борясь с высокой температурой, горловыми кровотечениями и язвами по всему телу.

Оруэлл так боялся, что ничего не получится и ему не поверят, и не поймут — что, когда толпы начинают прославлять пожизненно избранного править самовластного Правителя (которому просто нет альтернативы!), они отдадут безжалостной системе свои жизни и жизни своих детей.

И она их всех возьмёт.

В 1984 году, предсказанном Оруэллом, что-то мистическое действительно случилось с СССР.

Он надломился, и начал распадаться.

Итак, самый масштабный социальный эксперимент в истории человечества, растянувшийся на долгие годы и перемоловший бездарно и бесплодно множество жизней, был прекращён.

Сейчас его пытаются реанимировать в худшей части.

Известно: мёртвая лягушачья лапка может какое-то время подёргиваться, как живая под воздействием пропущенного тока. Это называется гальванизация.

Более ста предсказаний Оруэлла сбылись.

К счастью, пока не все.

Результат гораздо лучший, чем у Нострадамуса.

Ты был прав, Джордж Оруэлл, Эрик Блэр!

Ты это понял.

Ни класс, ни нация, ни раса не определяют ни этики, ни морали.

Эти вещи над-классовы.

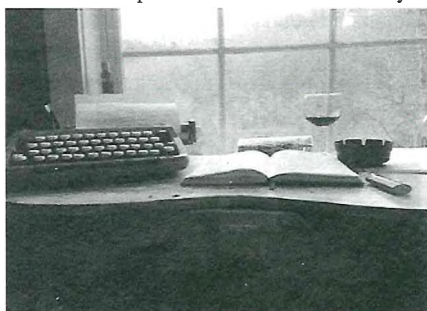
Приписывать какой-то любой большой человеческой общности мораль

или аморальность — это ужасная ошибка.

Этика всегда только индивидуальна. Как зубная щетка.

«Групповая этика» — классовая, расовая, национальная — уничтожает человека, расчеловечивает его. В толпе легче поддаться безумию.

Пресс-папье с запретным кораллом внутри — трогательная нормальность, человечность с её забытыми предметами обстановки, и ещё — последний, оставленный человеку выбор: постель и любовь — единственное, что может противостоять железной машине державного патриотизма. Именно половую

любовь окружают идеологическими рамками и скрепами особенно рьяно, потому что эта любовь бывает гораздо сильнее страха и способна вернуть чувство эмпатии и нормальное представление о человечности.

Человечность либо есть, либо её нет.

Я читала твою книгу, Эрик, выданную мне на ночь, под страшным секретом.

Мы жили в не выдуманном, реальном мире «1984», не понимая того.

Ивлин Во был прав — понять тебя до конца во всех нюансах смыслов может только тот, чей родной язык — русский.

Ветер на острове, кашель и пулемётные очереди машинки.

Оруэлл успел.

Успел написать самую страшную и великую книгу о XX веке.

И только потом умер, через 6 месяцев после её публикации.

На дворе уже стоял 1950-й.

А в 1953-м умер Большой Усатый Брат.

Ко всеобщему удивлению, он оказался смертным...

А вот посеянные им зубы драконьи до сих пор остаются в земле и ждут своего часа, чтобы прорасти то тут, то там...

Эрик не дождал до публикации свидетельств того, как работала репрессив-

ная машина Большого Брата, но он понимал, что происходит, и предупреждал мир об опасности любого тоталитаризма, что справа, что слева. Страшные вещи писал. «В конце концов, нас ждёт режим, в котором все оппозиционные партии и газеты будут запрещены, а всякий сколько-нибудь значительный диссидент окажется в тюрьме. (...) Он будет, не таким, как фашистский режим [Франко], он будет лучше, чем у Франко, — даже до такой степени лучше, что за него будет иметь смысл сражаться, — но это будет фашистский режим. Но поскольку его установят либералы (ты ли это, Эрик?!) и коммунисты, называться он будет иначе» *(цит. по Мария Карп «Оруэлл в Испании»)

Понять Оруэлла до конца может только тот, кто до светлеющего неба, всю ночь читал самиздатовскую, запретную копию «1984» на русском языке, и, холодея, осознавал, что сам был одним из персонажей...

Они несовместимы — человечность и — идеологический диктат, культ державы и её мудрых вождей, «родины-отца» или «родины-матери», как бы там метафорически-поэтически-родственно ни называли государство, у которого каждый человек должен быть в вечном и неоплатном долгу.

Все самые страшные тоталитарные общества начинали с провозглашения равенства, братства, освобождения рабов и человеческого отношения к угнетённым.

В итоге все кончалось двоемыслием и колючей проволокой, как снаружи, так и внутри людей.

Эта формула давно известна.

Книги и прозрения, за которые заплачено жизнью.

Им можно верить.

Дорогой мистер Оруэлл, у нас часы опять бьют тринадцать...!

История создания романа 1984, его значение для истории и мировой литературы.

Оруэлл, 1984, литература, история, книга

This is the story of the creation of the 1984 novel, its significance for history and world literature.

Orwell, 1984, literature, history, book